

ЯЗЫК. ПОЗНАНИЕ. КУЛЬТУРА

УДК 291.11

ВЕРА И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ В СТРУКТУРЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ СОВРЕМЕННЫХ РОССИЯН

© Татьяна Сергеевна ПРОНИНА

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина,
г. Тамбов, Российская Федерация, кандидат философских наук,
доцент, доцент кафедры философии, директор Центра религиозных исследований,
e-mail: tania_pronina@mail.ru

Посвящено изучению некоторых аспектов религиозности современных россиян, проблеме религиозной идентичности. Выявляется кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности и активностью религиозной жизни. Основной вывод: россияне в постсоветский период в массовом порядке приняли религию как важный элемент своей гражданской, этнокультурной идентичности, что не сопровождалось столь же значительными изменениями в сфере индивидуальной религиозной идентичности, затрагивающей уровень убеждений и религиозной практики. Написано на основе результатов исследований, проводившихся Центром религиозных исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в г. Тамбове и Тамбовской области.

Ключевые слова: религия; ревитализация религии; религиозная идентичность; культурная идентификация; религиозные практики.

С конца 1980-х гг. в России мы стали свидетелями процессов, условно названных публицистами и исследователями «религиозным возрождением». В работах российских авторов термин возрождение религии, религиозной жизни встречается в различных контекстах: при анализе событий начала XX в. в связи с «духовно-религиозными» поисками русской интеллигенции, ростом активности религиозных социально ориентированных обществ, возрождением Патриаршества. Также по отношению к 1943-му и послевоенным годам в связи с существенными изменениями в государственной политике в отношении религиозных объединений (М.И. Одинов оценивает этот этап как возрождение религиозной жизни), некоторые авторы связывают оживление религиозной жизни с 1970-ми гг. [1, с. 332]. В частности на этом настаивает Г. Штриккер, по мнению которого данные процессы 1970-х, начала 1980-х гг. имели характер подлинного религиозного возрождения, которое не получило развития, т. к. не имело поддержки со стороны церковной иерархии [2]. И, наконец, активное ис-

пользование понятие «возрождение» получило в общественном дискурсе при описании процессов в религиозной и общественной сфере постсоветской России.

Содержание и причины ревитализации религии в постсоветской России стали предметом пристального внимания исследователей современной религиозности. Сложность и противоречивость данных явлений обнаружила себя в целом ряде аспектов: в расхождении массовой религиозности, имеющей декларативный характер, с активностью религиозного участия, в диспропорциональном «возрождении» социетальных функций религий, в актуализации религиозной традиции в конструировании новой гражданской идентичности в ущерб формированию самой религиозной идентичности, в противоречивом характере взаимодействия традиций и новаций в религиозной сфере.

Внешний социокультурный контекст предоставляет нам множество подтверждений в пользу произошедшего возрождения религиозной жизни в постсоветской России. Возросла роль религии в жизни отдельного

человека и общества в целом. Религии активно проявляют себя в различных сферах общественной жизни, присутствуют в медиапространстве, иницируют и реализуют многочисленные культурные и социальные проекты. Успешно возродилась система религиозного образования. Религиозные лидеры вносят свой вклад в урегулирование социальных конфликтов. Образованные современные священнослужители открыто выражают позицию церкви по актуальным проблемам, влияют на общественное мнение, формирование ценностных ориентаций россиян.

Столь же существенно изменился социальный и идеологический статус религиозных объединений. Данные процессы отражает рейтинг институтов доверия у россиян, в котором стабильно на протяжении многих лет лидирует Русская православная церковь (РПЦ). О своем доверии к РПЦ заявляет значительная часть населения страны.

Социологи К. Каарийнен, В. Карпов и Д. Фурман делают вывод, что к концу 1990-х гг. в России установился «проправославный консенсус», о чем свидетельствуют и следующие цифры: «очень хорошее» и просто «хорошее» отношение к православию высказывали в 1999 г. 94 % населения [3, с. 20-21]. Причем среди тех, кто выражает хорошее отношение к РПЦ, не только православные, но и последователи других религий и неверующие.

Уровень высокого доверия населения к РПЦ продолжает сохраняться, что на региональном уровне подтверждают результаты

мониторинга, проводившегося Центром религиозных исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина в 2013 г. (рис. 1).

Выраженный «экстремум» доверия в 56,7 % принадлежит РПЦ, так же как и самый низкий уровень недоверия к ней, в сравнении с позициями других социальных институтов. Однако дальнейшее более пристальное изучение влияния религии на выбор социальных практик, содержания ценностных ориентаций россиян, их оценок асоциальных форм поведения свидетельствует, что такой высокий уровень доверия представляет собой трансляцию бытующих социальных стереотипов, а не реальную оценку роли РПЦ в обществе.

Противоречивый характер современной российской религиозности обнаруживает себя также в несоответствии между конфессиональной самоидентификацией и мировоззренческим выбором россиян, что проявляется в том, что численность россиян, идентифицирующих себя как последователей традиционных религий, превышает долю респондентов, определивших себя как верующие. Так, Ю.Ю. Синелина приводит данные опросов 2012 г.: среди православных, к которым относят себя 77 % опрошенных россиян, колеблющихся между верой и неверием – 17 % и 4 % – неверующих «некоторая доля опрошенных соотносит себя скорее с православной культурой, чем с православной верой, определяя, таким образом, свою культурную самоидентификацию» [4, с. 153].

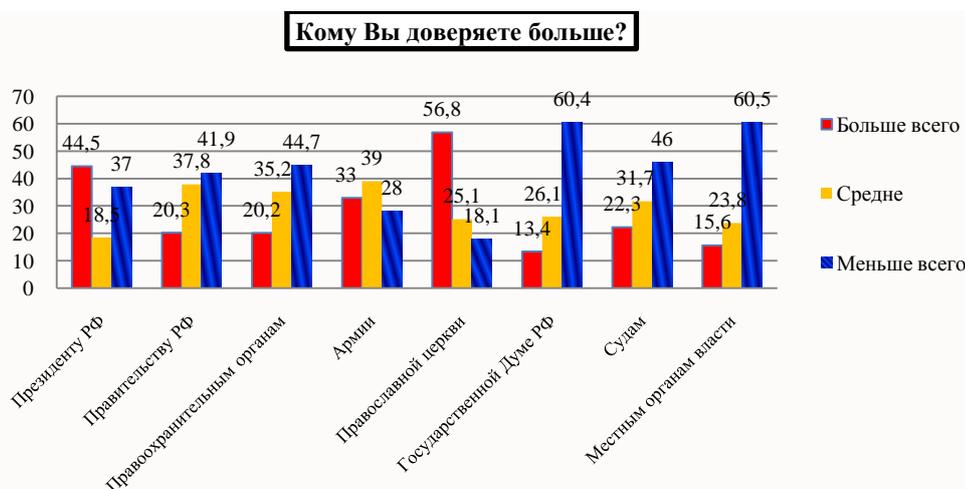

Рис. 1. Рейтинг доверия

Схожая ситуация и в группе российских мусульман: среди россиян, причисляющих себя к мусульманам, верующих – 83 %, 11 % колеблющихся и 4,5 % неверующих, что позволяет делать обобщающие выводы в отношении последователей традиционных российских религий [4, с. 331]. Выражая высокий уровень доверия религиозным институтам, характеризуя их в положительных модусах, россияне придают большое значение идеологическому, политическому и социокультурному статусу религии. Россияне в массовом порядке приняли религию как важный элемент своей гражданской, этнокультурной идентичности. Однако это не сопровождалось столь же кардинальными изменениями в сфере индивидуальной религиозной идентичности, затрагивающей уровень убеждений и религиозной практики.

Процессы бурного оживления религиозной жизни в постсоветской России правильнее было бы охарактеризовать как «ревитализацию» религиозной жизни, которая затронула лишь некоторые проявления религиозности и не сопровождалась всеобъемлющими масштабными изменениями. Процессы видимого возрождения проявились в сфере декларируемой вероисповедной самоидентификации россиян, также настоящее возрождение пережили религиозные институты. Данный вывод подтверждает дальнейшее, более детальное, изучение характеристических черт религиозности современных россиян.

Соглашаясь с рядом отечественных исследователей, в частности с В.Ф. Чесноковой, Ю.Ю. Синелиной, В.В. Локосовым, в том, что самоидентификация является важнейшим способом определения вероисповедной принадлежности, мы считаем, что массовая религиозная самоидентификация россиян в качестве последователей традиционных религий носит формальный характер, что находит подтверждение в ходе типологического анализа религиозной идентичности. Так, результаты опросов, проводившихся различными исследователями на протяжении ряда последних лет, обнаружили следующую особенность: респонденты дают на вопрос «Считаете ли вы себя верующим?» положительный ответ – «Да, я верующий» – с гораздо меньшей уверенностью, чем отвечают на вопрос о своей конфессиональной

принадлежности. Например, из 81,5 % верующих жителей Тамбовской области только 42 % уверенно назвали себя верующими, тогда как 39,5 % предпочли выбрать вариант «Я скорее верующий». При этом 87,2 % опрошенных уверенно определили свою вероисповедную принадлежность к православию.

Выражая высокое доверие РПЦ на протяжении уже двадцати лет, россияне в ходе опросов характеризуют ее в положительных модусах – как прогрессивную, необходимую, близкую человеку. По данным исследований, проводившихся под руководством Д.Е. Фурмана в 2005 г., 42 % респондентов характеризовали православную церковь как необходимую, 25 % – как прогрессивную, 35 % – как близкую к человеку, 14 % – как заботящуюся о благополучии людей, 28 % – как способствующую развитию культуры [3, с. 24].

Столь же хорошее отношение высказывают россияне и по отношению к православным священнослужителям, считая их нужными (57 % – данные только по 1997 г.), современными (27 %), бескорытными (35 %), образованными (59 %) и дружелюбными (45 %) [3, с. 25].

Однако если сопоставить приведенные оценки с уровнем религиозного участия, в т. ч. с частотой реального обращения граждан к священникам, то приходится признать, что данные оценки больше отражают исторически сложившиеся социальные стереотипы и мнения. По данным того же опроса 2005 г., обращались к священникам: часто – 1 %, скорее часто – 3 %, и большинство – 66 % опрошенных – никогда не обращались к священнослужителям. Очевидно, что при таком «эпизодическом общении» со священнослужителями невозможно объективно оценить их образовательный уровень, социальную активность, человеческие качества. Мы склонны согласиться с выводом Д.Е. Фурмана, что вышеприведенные положительные оценки – не есть результат реального опыта, а символическая оценка идеологической и культурной ценности РПЦ [3]. Но эта «символическая оценка» оказалась востребованной в ситуации разрушения прежней гражданской идентичности и поиска оснований для конструирования новой.

Следует заметить, что постепенно происходит корреляция выносимых россиянами оценок с реальной ролью религиозных ин-

ституты в общественных процессах. Так, если в 1991 г. 43 % россиян считали, что православная церковь способна эффективно решать социальные проблемы, то в 2005 г. таковых уже только 16 %; если в 1991 г. 59 % опрошенных считали, что РПЦ способна решать проблемы семейной жизни, то в 2005 г. происходит снижение данного показателя до 35 % [3, с. 20].

При этом число респондентов, согласных с утверждением «Православие необходимо России», не только не изменилось, но даже несколько выросло: с 72 % в 2012 г. до 75 % в 2014 г. Россияне, таким образом, придают большое значение идеологическому, политическому и социокультурному статусу православной религии. И православие утвердилось в качестве важнейшего элемента в структуре гражданских идентичностей, а РПЦ заняла позицию актора, оказывающего существенное влияние на процессы самоидентификации россиян.

В целом можно констатировать, что формально декларируемая религиозность россиян довольно высока. По данным многочисленных социологических исследований, религиозность россиян выросла в среднем с 20–30 % верующих в 1988–1989 гг. до 50–60 % к 1995 г. Этот процесс сопровождался снижением числа неверующих с 50 до 30–20 % и ниже. Численность же верующих россиян значительно увеличилась в основном за счет респондентов, называющих себя православными: с 20 % в конце 1980-х до 40–50 % в 1993–1995 гг. По данным социологических исследований ФОМ и сектора социологии религии ИСПИ РАН, доля респондентов, относящих себя к православным, увеличилась с 45–50 % в 1995–1996 гг. до 65–70 % к 2004 г. [5].

По результатам исследования «Религия и религиозность в России», проведенного в 2009 г. аналитическим «Левада-центром», почти три четверти россиян (72,6 %) отождествляют свою веру с православной. Это около 103 млн человек. При этом из них только 3 % регулярно исполняют религиозные практики: посещают богослужения, исполняют обряды, участвуют в жизни общины [6].

Вопрос определения численности верующих той или иной конфессии остается в среде исследователей дискуссионным. Сложность данной процедуры отмечают

многие ученые. Отчасти можно согласиться с С. Филатовым и Р. Лункиным в том, что и «православная религиозность» в современной России с точки зрения подсчета верующих «настолько зыбка, организационно, догматически и идеологически не структурирована, что любые критерии ее измерения и цифры, полученные на их основе, носят в принципе условный характер» [7, с. 22].

Неоднозначная ситуация и с определением численности мусульман в России. Если использовать этнический принцип подсчета численности верующих, то по последней переписи мусульман около 15 млн человек. На сайте Совета муфтиев России представлена цифра 25 млн мусульман, что составляет 15 % населения страны [8]. Но исследования, имеющие более конкретные задачи и охватывающие отдельные регионы, населенные пункты, вносят существенные коррективы в цифры, имеющие слишком общий характер. По результатам исследования «Состояние и перспективы ислама в Адыгее» только 35 % опрошенных назвали себя мусульманами, и 10 % респондентов ответили, что выполняют предписания ислама [9, с. 6].

Исключение, на первый взгляд, составляют народы Дагестана, Чечни и Ингушетии. А. Малашенко приводит следующие данные по республикам: в Дагестане число верующих – от 81 до 95 %, показатель религиозности чеченцев – 97 %, среди ингушей – 95 % [10]. Но опять же, например, Э. Кисриев, проводивший более детальные исследования в данном регионе, приходит к выводу, что в Дагестане к числу практикующих мусульман – по его методике, тех, кто исполняет обряды, знает основы Корана – относится около 20 % взрослого мусульманского населения [11].

Распространено исчисление верующих по этнической принадлежности. Но данный подход имеет ряд существенных недостатков. Ограниченность его состоит не только в том, что он может применяться лишь при подсчете верующих конфессий, имеющих длительную историю, т. е. традиционных, но также в том, что этот способ не позволяет выделить из категории последователей традиционных религий неверующих, атеистов, людей, индифферентных по отношению к религии.

Более детально и содержательно подойти к вопросу численности последователей позволяют исследования, учитывающие фактор религиозной самоидентификации и использующие такие индикаторы, как выяснение регулярности посещения богослужений, собраний, исполнения обрядов и ритуалов, системы ценностей и ее связи с религиозными убеждениями, форм и способов присутствия религии в жизни человека, ее влияния на мотивацию поступков. Совокупность названных показателей позволяет исследователю анализировать особенности идентификационных процессов. Сложность их изучения связана также с необходимостью содержательного разграничения культурной и религиозной идентичностей в системе идентичностей личности. Таким образом, результаты исследований, исходящих из факта самопрезентации религиозной принадлежности, более информативны, чем исчисления по «этническому принципу», т. к. отражают мировоззренческие ориентации индивидов, а также содержание структурных элементов общей системы идентичности.

При рассмотрении таких вопросов, связанных с проблемой религиозной идентичности, как процессы взаимосвязи религиозной и культурной идентичностей у православных верующих, религиозная самоидентификация в среде последователей новых религиозных движений, которые сегодня представлены в крупных городах определенным разнообразием, мы обращаемся к результатам региональных исследований, проводившихся с 2011 по 2014 г. в населенных пунктах Тамбовской области¹ и ряда близлежащих областей.

Вероисповедные и мировоззренческие предпочтения жителей Тамбовского региона представлены на рис. 2.

На региональном уровне мы получаем подтверждение того, что россияне демонстрируют высокий уровень декларируемой

идентификации своей конфессиональной принадлежности – почти 87,8 % жителей причисляют себя к православным. На долю всех остальных верований и мировоззренческих предпочтений приходится 12,2 %. Из них: 1,4 % жителей области исповедуют ислам, 0,3 % – протестантизм, 0,03 % – католицизм, 4,5 % – не исповедуют никакую религию, 0,9 % обозначили свою увлеченность различными парарелигиозными учениями, среди которых жители называют астрологию, экстрасенсорику, магию, разные виды йоги, стилизованные или адаптированные под запросы конкретного «потребителя». Примечательно, что среди тех, кто идентифицировал себя в качестве последователей традиционных религий, также есть увлеченные парарелигиозными учениями. 8 % православных выразили положительное отношение к экстрасенсорике, астрологии, магии. Среди россиян особенно широко распространены увлечения астрологией, вера в приметы. По данным FOX News / Opinion Dynamics Poll, 42 % всех опрошенных россиян и 42 % православных верят в астрологию, 37 % россиян верят в ведьм, 56 % верят в различные приметы [12]. Подобное сочетание идей, представлений свидетельствует о синкретизме как характерной черте религиозного сознания россиян, в котором «благополучно уживаются» декларируемая приверженность традиционной религиозности и увлечение парарелигиозными учениями.

Уровень декларируемой религиозности современных россиян очень высок, что подтверждают и жители области, – 81,5 % опрошенных с большей или меньшей степенью уверенности называют себя верующими. С точки зрения вероисповедной идентификации подавляющее большинство жителей региона предпочитают причислять себя к последователям традиционных религий. Исследования на региональном уровне также обнаруживают отмеченное выше «несоответствие» между определением собственной вероисповедной принадлежности и мировоззренческой идентификацией: называющих себя православными больше, чем идентифицирующих себя как верующие. Данная тенденция, названная Д. Эрвье-Леже “belonging without believing” – принадлежность без веры, когда религия сохраняет за собой статус национального символа, архетипа коллек-

¹ Мониторинг включал опросы, анкетирования, встречи, беседы с руководителями общин, приходов, пасторами, рядовыми верующими, посещение богослужений, собраний, других мероприятий, проводившихся религиозными объединениями, работу в архивах, в т. ч. с документами частных архивов. Исследованиями в общей совокупности было охвачено 5700 жителей. Описание, составленное по результатам мониторинга, в целом отражает общероссийские тенденции, хотя и выявляет ряд особенностей в религиозной жизни региона.

тивной памяти, а самоидентификация конфессиональной принадлежности не предполагает обязательной религиозной практики, характерна и для Европы. Вера все больше становится частным делом, падает уровень религиозного участия. Следует заметить, что описанный «парадокс конфессиональной принадлежности без веры» мы фиксируем только в среде последователей традиционных религий. Для членов религиозных новообразований вера является важнейшим фактором религиозной идентификации и осознания себя участником религиозного сообщества.

Высокий уровень конфессиональной самоидентификации в России предопределяет «культуробразующую роль» религии. Эту особенность как типичную и для европейских стран отмечает Г. Дэви. Для России также характерен сохраняющийся массовый характер исполнения обрядов жизненного цикла и участие в праздничных ритуалах конфессии. Однако есть и различия с европейской современной религиозной ситуацией: в Европе исследователи отмечают упадок институциональной религиозности, уменьшение авторитета религий в публичной сфере. Для России постсоветского периода характерны прямо противоположные процессы: грандиозное возрождение религиозных институтов, высокий уровень доверия к ним у населения и значительный авторитет рели-

гиозных организаций именно в публичном пространстве. Наблюдается скорее, по терминологии Ж. Казановы, «деприватизация религии», т. е. ее выход из частной сферы в публичную [13]. Религиозные организации, отстраненные от участия в жизни общества в советский период и занимающиеся исключительно удовлетворением культовых потребностей верующих, активно включились в социально-политическую жизнь современного российского социума.

Феномен «веры без конфессиональной принадлежности», описанный Г. Дэви “believing without belonging” – вера без принадлежности, чаще встречается в среде «духовных искателей», увлекающихся различными религиозными идеями и учениями [14]. Свойственный им тип религиозной идентичности мы условно обозначаем как «духовно-ориентированный». В системе представлений индивидов, принадлежащих к названному типу, присутствуют идеи, положения, заимствованные из разных религиозных доктрин, философских учений, других областей знания. Мировоззрение их синкретично, нестабильно, пребывает в состоянии флуктуации. Фиксированное членство в одном сообществе, связанное с выполнением определенных обязательств, не соответствует их запросам и представлениям о духовной и религиозной самореализации.

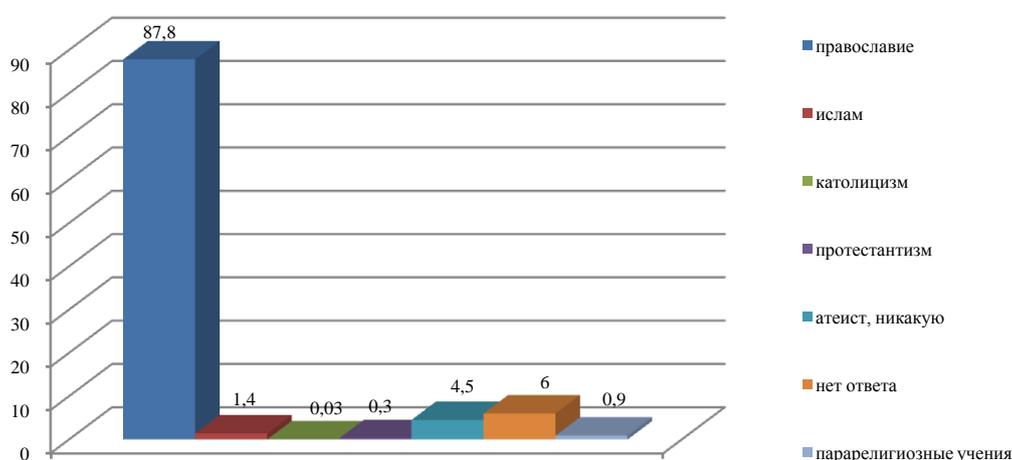

Рис. 2. Вероисповедные и мировоззренческие предпочтения

Таким образом, формы вероисповедной идентификации россиян также становятся все более разнообразными как реакция на умножающуюся плюралистичность религиозного индивидуализма. Действительная многогранность религиозной идентичности современного человека не может быть охвачена одной конфессиональной принадлежностью.

Следующая противоречивая особенность религиозности современных россиян состоит в том, что причисляющие себя к последователям традиционных религий демонстрируют низкий уровень знаний о религиозной традиции, с которой себя идентифицируют. В ходе опросов, бесед мы задавали нашим собеседникам уточняющие вопросы, связанные с конфессиональной принадлежностью: «Почему вы считаете себя православным?», «Почему не хотите назвать себя просто «христианином»? «Что отличает православного, например, от католика?» Надо признать, что большинство опрошенных такие вопросы ставят в затруднение. Немногочисленные ответы же можно свести к нескольким вариантам, адресующим нас к историко-культурной преемственности религиозной традиции, но не затрагивающим конфессиональные особенности: «это вера наших предков, доставшаяся нам в наследство», «это наша исконная русская вера».

Отдельные исследования религиозности молодежи¹ выявили бытующие в среде молодых людей мнения: на вопрос «Что такое для вас православие?» большая часть опрошенных молодых людей отвечают, что это «наша культура», «наша история», «наши традиции, храмы, праздники»; затем следуют ответы: «православие – это вера, церковь» и т. п. Приведенные ответы обнаруживают явное превалирование культурологического восприятия религии в сознании и оценках молодых людей. Это косвенно подтверждает наш основной вывод о том, что религия для большинства россиян репрезентируется в таких составляющих культуры, как обычаи, традиции, литература, искусство, включая храмы, иконы, религиозное изобразительное искусство, религиозные сюжеты в кинемато-

графе, публичный идеологический дискурс в телепередачах, интернет-ресурсах.

Культурологический взгляд на религию можно рассматривать как типическую характеристику религиозной идентичности современных россиян. Отмеченная тенденция наблюдалась нами не только на примере последователей традиционных религий, но и в отношении членов новых религиозных сообществ. К примеру, беседы с членами общины кришнаитов показали, что большинство из «преданных» пришли к этой вере через увлечение культурными феноменами: для кого-то таким стал интерес к восточным языкам, литературе, философии, танцам, внешней атрибутике, кого-то привлекла экзотическая для россиянина индуистская культура. Именно такого рода увлечения и интересы лежали в начале религиозного пути большинства членов общины.

Таким образом, в постсоветский период кардинально изменилась архитектура мировоззренческих ориентаций россиян. Религиозная самоидентификация приобрела массовый характер. На уровне формально декларируемой религиозности россияне предпочитают идентифицировать себя как последователей традиционных конфессий. Анализ идентификационных процессов выявляет в качестве определяющего фактора культурологическое восприятие религии. Формально декларируемая конфессиональная принадлежность обращает нас к культурной идентификации, в ходе которой респонденты выражают свою приверженность привычным нормам поведения, этнокультурным обычаям, социальным стереотипам, соотносимым с религиозной традицией.

Одна из трудностей, с которой сталкивается исследователь религиозности, – это «ускользающая реальность» религиозного опыта. Внутренние переживания трудно выразить, религиозная самоидентификация нередко носит формальный характер и адресует нас к нерелигиозным факторам. Возможность преодолеть названные затруднения предоставляет изучение религиозных практик, обнаруживающих атрибутивные характеристики религиозности и подлежащие фиксированному наблюдению. Дж. Фихтер, изучавший жизнь католических приходов в США, отмечает: «Религиозное поведение (посещение месс, участие в таинствах и т. п.) – измеряемое вы-

¹ Исследование проводилось Центром религиозных исследований Тамбовского государственного университета среди учащейся молодежи г. Тамбова в 2012 г. Выборочная совокупность 1200 человек.

ражение религиозных верований и ценностей... С научной точки зрения этот подход, вероятно, наиболее валидный и надежный при любых попытках изучить согласованность официальных идей католической церкви и действительных практик ее членов» [15, р. 259].

В ходе региональных исследований мы предложили респондентам ответить на прямой вопрос «Какое место религия занимает в их жизни?». Результаты опроса отражены на рис. 3.

Больше половины респондентов – это 65 % – считают, что религия присутствует в их жизни на уровне традиций, праздников и обрядов. Это также подтверждает наш вывод о том, что религия в структуре идентичности россиян воспроизводится как элемент культурной традиции. 14 % констатировали, что религия не занимает существенного места в их жизни. 21 % опрошенных ответили, что религия серьезно влияет на их жизнь.

Приблизительно такие же показатели характерны и для ряда европейских стран: по данным межстранового опроса 1990 г. «очень важна религия» для 14 % французов, 18 % британцев, 13 % жителей Германии, 15 % – Финляндии. И только в США этот показатель традиционно очень высокий – 54 % населения признают, что религия ока-

зывает серьезное влияние на их жизнь [3, с. 53]. Таким образом, с точки зрения оценки роли религии в их жизни россияне мало отличаются от европейцев.

В ходе дальнейшего анализа результатов исследований положение о том, что религия оказывает серьезное влияние на жизнь 21 % респондентов, не находит подтверждения на уровне религиозных практик, в сфере жизненных интересов, выборе ценностных ориентаций.

Религиозные практики имеют индивидуальный и коллективный характер. Христианство и ислам – две традиционные для России религии, к последователям которых причисляют себя большинство россиян, предписывают участие в коллективных богослужениях. Для православных – это воскресная литургия, у мусульман – пятничная молитва в мечети, членам протестантских церквей необходимо быть в церкви в воскресенье или в субботу и хотя бы еще один день в неделю посвятить изучению Писания в группе. Чаще всего священнослужители и практикующие верующие названных религий определяют необходимую регулярность данной практики одним разом в неделю, что стало причиной выбранной нами периодичности посещения богослужения в качестве индикатора (рис. 4).

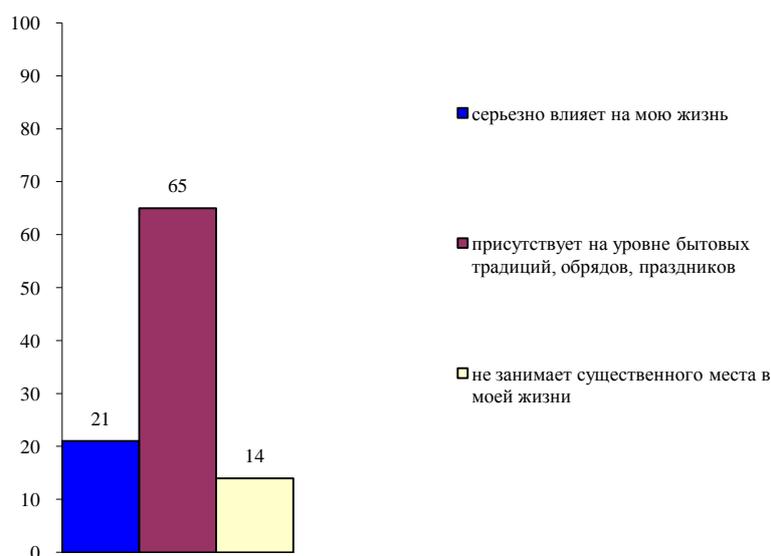

Рис. 3. Какое место религия занимает в Вашей жизни?

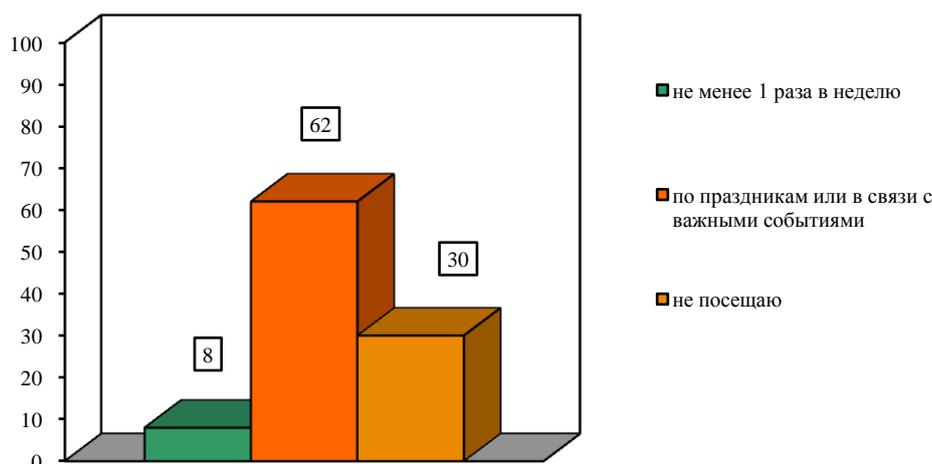

Рис. 4. Как часто Вы посещаете богослужение?

Как видно из рис. 4, наблюдается кардинальное расхождение между уровнем декларируемой религиозности (87,9 % опрошенных назвали себя православными) и посещением богослужений: только 8 % опрошенных регулярно участвуют в жизни церкви, большинство же – более 60 % – посещают богослужение по большим праздникам (Рождественское, Пасхальное богослужение) или в связи с такими событиями, как крещение, венчание, панихиды, прибытие икон, мощей, других святых. Этот результат также подтверждает предыдущий вывод о том, что религия в жизни большинства россиян присутствует на уровне общепринятых и семейных культурных норм и традиций. Потому неслучайно, что, по признанию самих россиян, главным источником усвоения религиозных традиций является семья, а не религиозные организации. В процессе социализации на уровне семьи происходит формирование аскриптивных слоев религиозной идентичности. В дальнейшем их влияние на сознательную религиозную самоидентификацию сохраняется: 41 % взрослого населения и 80,7 % молодых респондентов ответили, что на их отношение к религии, на выбор веры в первую очередь повлияло семейное воспитание, семейные традиции. И только 18 % взрослого населения и 12 % молодежи ответили, что на их выбор веры повлияло посещение церкви, богослужения (Исследование Центра религиозных исследований ТГУ, 2011–2012 гг.).

По данным социологов религии С. Филатова и Р. Лункина, практикующих верующих

в России 12–24 млн человек, т. е., соответственно, 8–16 %. Из них православных – в пределах 3–15 млн человек, что составляет 2–10 %, затем следуют мусульмане – около 3 млн, или 2 %, протестанты – около 1,5 млн, старообрядцы, иудаисты, буддисты и язычники вместе – меньше 1 млн человек [7, с. 28].

По данным 2005 г., представленных Д. Фурманом, К. Каарийненном, В. Карповым, раз в месяц посещают церковь 11 % россиян, несколько раз в год – 21 %, раз в год и реже – 30 %, и никогда не посещают церковь 38 % россиян [3, с. 55].

Изучая динамику изменений в религиозности россиян, мы фиксируем процессы, которые описывает Г. Дэви по отношению к европейскому обществу: действительно, религиозных людей становится все меньше, но качество их веры возрастает [16]. Так, в группе тех, кто уверенно называют себя верующими, имеет место за последние 5 лет (сроки мониторинга) увеличение показателя по регулярному посещению богослужения, церкви, с 7–10 до 16–20 %. Но эта тенденция пока не имеет устойчивого характера и проявляется только в отдельных, опять же весьма малочисленных группах населения.

Таким образом, высокая декларируемая религиозная самоидентификация россиян не находит соответствия в исполнении религиозных практик. Из чего можно предположить, что религиозная идентичность реализуется как элемент нерелигиозных структур в общей системе идентичности.

Помимо посещения богослужения, собраний религиозная активность проявляется в совершении обрядов. Россияне демонстрируют высокий уровень культурно-исторической преемственности в усвоении семейных обычаев и этнокультурных традиций. Исполнение обрядов жизненного цикла, таких как крещение, отпевание, венчание, освящение дома, праздничные обряды и ритуалы, имеет массовый характер. По региональным данным, крестят до 80 % рождающихся младенцев, около 50 % умерших отпевают, чуть более 50 % молодых людей, вступающих в брак, проходят процедуру церковного венчания. Тогда как в обрядах, требующих систематического регулярного исполнения, участвует узкий круг практикующих верующих. К таким обрядам следует отнести причастие, исповедь – для христиан, регулярное участие в богослужениях, пост, ежедневную молитву и др.

Ю.Ю. Синелина в статье «Динамика религиозности Россиян (1989–2012)» приводит данные по исполнению обрядов россиянами: 1 раз в месяц и чаще посещают храм 10 % православных, 2 % мусульман, несколько раз в год – 33 % православных, 17 % мусульман. Такое установление, как пост, требует от верующего большого напряжения, необходимости соблюдать целый ряд ограничений. В результате, соблюдают все посты 2 % православных и 1,5 % мусульман, иногда постятся 28 % православных и 29 % мусульман, не соблюдают постов 59 % православных и 50 % мусульман. Важнейшим для большинства направлений христианства является обряд причастия, который также требует соблюдения определенных предписаний: пост, посещение богослужений, чтение молитв, исповедь. Уровень регулярного исполнения этого обряда очень низкий: причащаются раз в месяц и чаще 2 % православных, несколько раз в год – 10 %, реже одного раза в год – 26,5 %, никогда не причащались – 40 % православных [4, с. 160-161].

Помимо посещения богослужения, собраний религиозная активность проявляется в исполнении молитвенных правил. Данные нашего исследования представляют нам, на первый взгляд, весьма положительную картину: около 14 % респондентов молятся несколько раз в день, 20 % – один раз в день. Но при этом 32 % признались, что совсем не

молятся, и 34 % совершают молитву редко. Данные по общероссийским опросам приблизительно такие же: В книге «Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России» приводятся данные по 1999 г.: 15 % православных россиян молятся часто, иногда молятся 12 %, 44 % не молятся никогда [3, с. 23]. По результатам исследований сектора социологии ИСПИ РАН, которые приводила в своей статье «Динамика религиозности Россиян (1989–2012)» Ю.Ю. Синелина, молятся церковными молитвами почти каждый день – 6 % православных, 53 % молятся своими молитвами, не молятся вообще 23 %. Таким образом, респонденты нередко рассматривают в качестве молитвы краткое обращение, своими словами обозначенное прошение, обнаруживая при этом низкий уровень знания молитв, принятых в церковной практике.

На то, что практикующая религиозность не приобрела массового характера, в отличие от декларируемой конфессиональной идентификации, указывает анализ социально-демографических характеристик практикующих верующих. Он подтверждает, что реальная религиозность не представлена равномерно во всех стратах общества, а воспроизводится в одной и той же категории россиян – это пожилые люди с преобладанием женщин. По данным Д.Е. Фурмана, К. Каарияйна и В. Карпова, которые называют эту категорию «традиционные верующие», в их группе 82 % женщин, 43 % в возрасте от 30 до 60 лет и 47 % старше 60 лет, 49 % – пенсионеры, 34 % одиноких (2005 г.). Лиц с образованием ниже среднего в этой категории верующих в 1995 г. было 63 %, в 2005 г. – 33 %, с высшим образованием 11 %. 50 % из них до 16 лет жили в деревне, 31 % являются жителями сельской местности. Среди них больше, чем в других категориях граждан, людей с низким материальным достатком. С точки зрения психологических черт, 42 % верующих, принадлежащих к категории практикующих, чувствуют себя несчастными [3, с. 61-67].

Вместе с тем в группе всех верующих в целом за постсоветский период происходят позитивные изменения. Увеличивается число мужчин – так, если в 1991 г. их было 25 %, то в 2005 г. – 35 % (по данным Д.Е. Фурмана, К. Каарияйна и В. Карпова). Растет число людей до 30 лет, также число лиц, имеющих

высшее образование, средний и выше уровень доходов. Соответственно меняются и социально-психологические характеристики верующих этой группы. Но происходит это, прежде всего, за счет значительного роста группы всех верующих. Численность же «практикующих» верующих почти не меняется. Таким образом, пополняется данная группа за счет аналогичного социального типа. Этот тип пожилых людей с преобладанием женщин ищет в религии, прежде всего, утешения, моральной поддержки, в церковных собраниях – возможность общаться с такими же прихожанами, обсуждать общие проблемы и темы.

Таким образом, несистематическое исполнение обрядов не сопровождается усвоением веры на уровне внутренних убеждений. Религиозные нормы и принципы не становятся убеждениями, и, следовательно, не оказывают существенного влияния на мотивацию поступков. Данное положение хорошо иллюстрирует пример с венчанием. Исполнение этого обряда приобрело массовый характер. При совершении таинства брака супружеские отношения получают сакральный статус, будущие супруги дают клятву верности на всю жизнь, клянутся быть рядом и в горе, и в радости и т. п. Однако эти ригористические моральные установки не повлияли на высокий процент разводов в стране: в среднем по России, например, в 2012 г. на 1316 тыс. браков пришлось 642 тыс. разводов [17].

Несистематическое, фрагментированное совершение обрядов, ритуалов разрушает целостность религии как системы. Вырванный из контекстуальной целостности обряд оказывается связанным с религиозной традицией лишь внешним образом как привычное, аскриптивное, унаследованное действие. Такое отношение препятствует формированию понимания необходимости регулярного исполнения религиозной практики.

Таким образом, проведенный анализ религиозных практик, получивших наибольшее распространение среди россиян, также свидетельствует, на наш взгляд, о том, что массовая российская религиозность реализуется как культурная традиция, воспроизводство которой обеспечивается преемственностью бытовых, этнокультурных традиций. Очевидно, что в структуре этнокультурной и

гражданской идентичности наших респондентов религия заняла важнейшее место. Для такого, как мы его назвали, «идеологически-прагматического» типа религиозности в процессе религиозной идентификации важен социокультурный и идеологический статус религии, религиозного сообщества. Такой тип религиозной идентичности существенно не затрагивает уровень убеждений и не предполагает обязательного исполнения норм и установлений конфессии. Это косвенно указывает на то, что уровень внутренних убеждений остался не затронутым. В свою очередь, религиозные представления и нормы, не ставшие убеждениями, не оказывают мотивирующего влияния на поведенческие акты и выбор социальных практик.

1. *Одинцов М.И.* «Вы примите силу, когда сойдет на вас Дух Святой...» История пятидесятнической церкви в России. XIX–XX вв. СПб., 2012.
2. Русская православная церковь в советское время (1917–1991). Материалы и документы по истории отношений между государством и церковью / сост. Г. Штриккер. М., 1995.
3. *Фурман Д., Каарийнен К., Карнов В.* Религиозность в России в 90-е гг. // Новые церкви, старые верующие – старые церкви, новые верующие. Религия в постсоветской России / под ред. К. Каарийнена, Д.Е. Фурмана. Санкт-Петербург; Москва, 2007.
4. *Синелина Ю.Ю.* Динамика религиозности россиян (1989–2012) // Памяти Юлии Юрьевны Синелиной. Научные труды. М., 2014.
5. Верующие и неверующие (База данных ФОМ). URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 10.06.2014).
6. Религия и религиозность в России // Религия и общество. URL: http://o-religii.ru/pravoslavie_v_rf.htm (дата обращения: 13.03.2014).
7. *Филатов С., Лункин Р.* Статистика религиозной и конфессиональной принадлежности россиян // Религия и российское многообразие. Санкт-Петербург; Москва, 2011.
8. Мусульмане России // Исламская община России составляет половину мусульман всей Европы. URL: <http://www.muslim.ru> (дата обращения: 12.03.2014).
9. *Ханаху Р.А., Цветков О.М.* Состояние и перспективы ислама в Адыгее // Ислам у адыгов северо-западного Кавказа. Майкоп, 2001.
10. *Малашенко А.* Исламские ориентиры Северного Кавказа. Гл. 3. Исламская идентификация / Московский центр Карнеги. М., 2001.

11. *Кисриев Э.* Дагестанские мусульмане: опыт структурной типологии и характеристики. URL: <http://polit.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
12. *Дубин Б.* Массовая религиозная культура в России (тенденции и итоги 1990-х годов). URL: <http://www.krotov.info/history/20/1990/dubin.htm> (дата обращения: 10.11.2014).
13. *Casanova J.* Public religions in the modern world. Chicago, 1994.
14. *Davie G.* Religion in Britain since 1945. Believing without belonging. N. Y., 1994.
15. *Fichter J.H.* Social Relations in the Urban Parish. Chicago, 1954.
16. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie // Thinking in Public. 2011. Nov. 9. URL: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (accessed: 11.01.2015).
17. *Щербакоева Е.* Число зарегистрированных браков и разводов в 2012 году снизилось // Демоскоп Weekly. 2013. № 541-542, 4–17 февраля / Институт демографии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php>. (дата обращения: 11.04.2014).
6. *Religiya i religioznost' v Rossii* // Religiya i obshchestvo. URL: http://o-religii.ru/pravoslavie_v_rf.htm (дата обращения: 13.03.2014).
7. *Filatov S., Lunkin R.* Statistika religioznoy i konfessional'noy prinadlezhnosti rossiyan // Religiya i rossiyskoe mnogoobrazie. Sankt-Peterburg; Moskva, 2011.
8. *Musul'mane Rossii* // Islamskaya obshchina Rossii sostavlyayet polovinu musul'man vsej Evropy. URL: <http://www.muslim.ru> (дата обращения: 12.03.2014).
9. *Khanakhu R.A., Tsvetkov O.M.* Sostoyanie i perspektivy islama v Adygee // Islam u adygov severo-zapadnogo Kavkaza. Maykop, 2001.
10. *Malashenko A.* Islamskie orientiry Severnogo Kavkaza. Gl. 3. Islamskaya identifikatsiya / Moskovskiy tsentr Karnegi. M., 2001.
11. *Kisriev E.* Dagestanskie musul'mane: opyt strukturnoy tipologii i kharakteristiki. URL: <http://polit.ru> (дата обращения: 15.10.2014).
12. *Dubin B.* Massovaya religioznaya kul'tura v Rossii (tendentsii i itogi 1990-kh godov). URL: <http://www.krotov.info/history/20/1990/dubin.htm> (дата обращения: 10.11.2014).
13. *Casanova J.* Public religions in the modern world. Chicago, 1994.
14. *Davie G.* Religion in Britain since 1945. Believing without belonging. N. Y., 1994.
15. *Fichter J.H.* Social Relations in the Urban Parish. Chicago, 1954.
16. Believing Without Belonging? A Conversation With Sociologist Grace Davie // Thinking in Public. 2011. Nov. 9. URL: <http://www.albertmohler.com/2011/12/01/believing-without-belonging-a-conversation-with-sociologist-grace-davie> (accessed: 11.01.2015).
17. *Shcherbakova E.* Chislo zaregistrirrovannykh brakov i razvodov v 2012 godu snizilos' // Demoskop Weekly. 2013. № 541-542, 4–17 fevralya / Institut demografii Natsional'nogo issledovatel'skogo universiteta Vysshaya shkola ekonomiki. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2013/0541/barom04.php>. (дата обращения: 11.04.2014).
1. *Odintsov M.I.* “Vy primite silu, kogda soydet na vas Dukh Svyatoy...” Istoriya pyatidesyatnicheskoy tserkvi v Rossii. XIX–XX vv. SPb., 2012.
2. *Russkaya pravoslavnaya tserkov' v sovetskoe vremya (1917–1991). Materialy i dokumenty po istorii otnosheniy mezhdru gosudarstvom i tserkov'yu* / sost. G. Shtrikker. M., 1995.
3. *Furman D., Kaariaynen K., Karpov V.* Religioznost' v Rossii v 90-e gg. // Novye tserkvi, starye veruyushchie – starye tserkvi, novye veruyushchie. Religiya v postsovetskoy Rossii / pod red. K. Kaariaynena, D.E. Furmana. Sankt-Peterburg; Moskva, 2007.
4. *Sinelina Yu.Yu.* Dinamika religioznosti rossiyan (1989–2012) // Pamyati Yulii Yur'evny Sinelinoy. Nauchnye trudy. M., 2014.
5. *Veruyushchie i neveruyushchie (Baza dannykh FOM).* URL: <http://bd.fom.ru> (дата обращения: 10.06.2014).

Поступила в редакцию 6.03.2015 г.

UDC 291.11

FAITH AND CONFESSION SELF-IDENTIFICATION IN STRUCTURE OF RELIGIOUS IDENTITY OF MODERN RUSSIANS

Tatyana Sergeevna PRONINA, Tambov State University named after G.R. Derzhavin, Tambov, Russian Federation, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor of Philosophy Department, Director of Religious Studies Centre, e-mail: tania_pronina@mail.ru

It is devoted to the study of some aspects of religiosity of modern Russians, the issue of religious identity. The fundamental difference between the level of activity of declared religiosity and religious life is revealed. The main conclusion: the Russians in the post-Soviet period in droves accepted the religion as an important element of their nationality, ethnic and cultural identity, which is not accompanied by equally significant changes in individual religious identity, affecting the level of belief and religious practice. It is written on the base of the results of research conducted by the Centre for Religious Studies of Tambov State University named after G.R. Derzhavin in Tambov and Tambov region.

Key words: religion; religious revival; religious identity; cultural identity; religious practices.